

Михаил Я. Дымарский

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

E-mail: dym2005@list.ru

ORCID: 0000-0002-1796-7686

ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЕ РЕЧЕВЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ: ОПЫТ ОБОБЩЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)¹

Эпоха увлечения идеей неразрывной связи между структурой и семантикой, которая долгое время занимала умы многих синтаксистов, не то чтобы ушла в прошлое; но то знание, которое было достигнуто на этом пути, сегодня уже воспринимается не как новое, а, скорее, как само собою разумеющееся. Для многих языков построены компактные описания ядра синтаксической системы: (Бабенко, 2002; Шведова, 1970, 1980; Bárnetova и др., 1979; Daneš и др., 1987; Kiklewicz & Korytkowska, 2010) и др. Принципы, положенные в основу названных описаний, отнюдь не тождественны, однако общая идея представления модели предложения как отвлеченного образца, лежащего в основе бесконечного множества живых высказываний на данном языке, последовательно проведена в каждом из них.

Следует ли из этого, что «эпоха моделирования» в синтаксисе кончилась? Мой ответ – отрицательный.

Построив описания указанного типа, мы приблизились к пониманию того, как устроена система языка. Но эти описания вряд ли сообщают релевантное знание о том, как порождается высказывание в живом речевом процессе. Синтаксическая система языка, как мы ее себе представляем, и индивидуальная синтаксическая система говорящего на этом языке – совершенно различные сущности. Первая есть конструкт высочайшей степени абстракции. Вторая, напротив, – не виртуальный продукт, а реально существующий нейролингвистический механизм, в общем случае работающий безотказно. И для того,

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-012-00650 «Семантические категории в грамматическом строе русского языка».

чтобы функционировать, этому механизму не требуется наличия в сознании его владельца специальных знаний о синтаксической системе языка. Нет никаких оснований предполагать, будто этот механизм основывается именно на этой системе, и представлять себе процесс порождения высказывания как последовательный перебор базовых синтаксических моделей, сопровождаемый поиском подходящего слова (и его нужной формы) для каждой позиции модели и т. п., что требует сотен тысяч мыслительных операций в секунду². Несмотря на свою популярность, такое представление в высшей степени неправдоподобно – не потому, что человеческий мозг неспособен к такому быстрдействию, а потому, что такой путь порождения высказывания неэкономичен и неэффективен.

Реальной операционной единицей языкового сознания является *речевая синтаксическая модель*. Подразумеваются модели, обладающие следующими признаками:

- а) они производны от языковых,
- б) они имеют более сложную структуру,
- в) они имеют ограниченную вариативность коммуникативного задания и актуального членения, а также
- г) фиксированный с точностью до лексико-семантической группы (в отдельных случаях – до лексической единицы) способ выражения по меньшей мере одного из компонентов исходной языковой структуры.

Целесообразно выделять и более жестко ограниченные по признакам (в) и (г), а также обладающие дополнительными ограничениями *модели высказываний* (подробнее см. Дымарский, 2013).

Важнейшая особенность речевых моделей и, тем более, моделей высказываний состоит в том, что, в отличие от языковых моделей вида $N_1 V_f$ или $N_1 \text{ Cop Adj}_{1,5}$ и т. д., они тесно связаны с определенным кругом ситуаций внеязыковой действительности, в том числе и коммуникативных ситуаций, в которых они употребительны. В процессе построения высказывания непосредственного обращения к базовому уровню (языковых моделей) не происходит, а следовательно, не происходит и перебора многотысячных вариантов. Непрерывный анализ текущей ситуации действительности, обусловленный нейробиологическим механизмом обстановочной афферентации (Анохин, 1966) и происходящий уже в силу того, что говорящий

² Б. М. Гаспаров, не без впадения в грех оглупления оппонентов, именно таким – с арифметическими подсчетами – способом критиковал концепции, доминировавшие в отечественной грамматической мысли в середине и второй половине XX в. (Гаспаров, 1996, сс. 56–63).

воспринимает эту ситуацию (участвуя или не участвуя в ней), актуализирует в его речевом сознании определенный фрейм, ассоциированный с четко очерченной семантической группой предикатов (конкретных лексем), которые, в свою очередь, связаны с типовым лексико-синтаксическим окружением. Таким путем в активной речевой зоне возникает лексико-грамматический прообраз высказывания, представленный глагольной группой³.

Параллельно с анализом ситуации действительности в сознании говорящего так же непрерывно идет анализ текущей коммуникативной ситуации (участником которой он является по определению) и выработка коммуникативных интенций; результатом последней является актуализация в активной речевой зоне определенной коммуникативно-синтаксической модели с предзаданным актуальным членением, то есть, в сущности, модели высказывания.

Изучение, систематизация и описание речевых синтаксических моделей и моделей высказывания представляется важной задачей, решение которой может существенно приблизить нас к пониманию процесса порождения высказывания.

Ниже предлагается опыт краткого обобщения сведений, накопленных автором при изучении одного узкого кластера речевых моделей русского языка.

Под **идентифицирующими** понимаются высказывания, логическое содержание которых составляет идентификация либо некоторой ситуации (в целом), либо одного из ее компонентов, например (высказывания, составляющие предмет нашего внимания, выделены курсивом):

- (1) – А что это за шаги такие на лестнице? – спросил Коровьев, поигрывая ложечкой в чашке с черным кофе.
– *А это нас арестовывать идут*, – ответил Азазелло и выпил стопочку коньяку (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита);
- (1) *Так вот что она прятала под подушкой на осмотрах* (М. А. Булгаков. Полотенце с петухом / НКРЯ⁴).

В (1) инициальная вопросительная реплика представляет собой запрос о ситуации в целом (на лестнице раздаются шаги), выделенное курсивом

³ Об этом убедительно писал С. Д. Кацнельсон (Кацнельсон, 1984). В этом плане особенно продуктивен подход к моделированию предложения с опорой на семантический тип глагольного предиката, реализованный, например, в: Бабенко, 2002 и Kiklewicz & Korytkowska, 2010.

⁴ Таким образом отмечены примеры, полученные путем поиска в Национальном корпусе русского языка.

высказывание содержит отсылку к обозначенной в вопросе ситуации (*это*) и ее содержательную характеристику. Это **биситуативная** речевая модель, инвариантная схема которой выглядит так:

(i) **Это** / [$N_i V_i$].

Косая черта обозначает актуальное членение (*это* – тема высказывания); квадратные скобки указывают на то, что в реме может быть использована не только данная структурная схема (так, в (1) имеем иную схему – $V_{f(3)pl}$). Понятие биситуативной речевой модели было предложено в (Дымарский, 2007).

В (2) объектом идентификации является, как очевидно, лишь один из компонентов референтной ситуации. Это речевая модель, инвариантная схема которой выглядит так:

(ii) **{Вот + [вопр. предл.]}**.

С логической точки зрения, любое высказывание данной модели выражает результат умозаключения, возникающего при сопоставлении некоторой новой информации, полученной говорящим, с уже имеющейся. Новая информация может быть выражена словесно (в диалоге) и может выводиться говорящим из наблюдаемых явлений, фактов и т. п. Использование данной модели при построении высказывания означает, что образ референтной ситуации присутствует в сознании говорящего до момента речи, однако этот образ неполон (по классификации О. Йокоямы (Йокояма, 2005, с. 36), отсутствует, как правило, некоторый компонент специфицирующего знания). Произнесение высказывания означает, что недостающий компонент восстановлен – точнее, определенный компонент некоторой наличной ситуации идентифицирован с недостающим компонентом образа ситуации, присутствующего в сознании говорящего.

В качестве дополнительного примера можно привести знаменитую реплику князя Олега:

(2) *Так вот где таилась погибель моя!* (А. С. Пушкин. Песнь о Вещем Олеге).

Вещий Олег много лет назад узнал от волхва, что ему суждено принять смерть от своего коня: здесь налицо как пропозициональное знание (некто должен умереть от какой-то причины), так и специфицирующее знание (некто = Олег, причина = конь), но специфицирующее знание изначально неполно: «любимец богов» не сообщил, *каким образом* конь станет причиной смерти. Смысл ситуации многомерен: князь убежден, что ему удалось избежать судьбы, предреченной волхвом (тем самым посрамив последнего), и хочет отдать

верному коню последний долг. О том, где может или могла таиться его гибель, он сейчас не помышляет; однако в момент появления змеи происходит мгновенная переоценка всех смысловых компонентов: и судьбу обмануть не удалось, и прав был все-таки волхв, и гибель действительно приходится принять от коня, но не в том смысле, в каком понял волхва князь (все варианты семантизации неизвестного компонента, которые могли прийти ему в голову и которые он постарался исключить, оказались ложными). Именно эта почти забытая ситуация – конь *каким-то образом* угрожает жизни князя, в нем *каким-то образом* таится его смерть – мгновенно актуализируется в сознании говорящего в момент произнесения реплики (3), и смысл ее – в идентификации останков коня как источника смерти. Змея, выползающая из черепа коня, и есть то звено, которого недоставало для того, чтобы специфицирующее знание князя о референтной ситуации стало полным.

Номинация идентифицируемого компонента осуществляется местоименным словом (вопросительно-относительное местоимение), референция которого, в общем случае, соответствует тому типу дейксиса, который К. Бюлер называл *Deixis am Phantasma* (дейксис к воображаемому), хотя в (3) имеет место как раз прямой дейксис к реальному предмету.

Входящий в состав модели (ii) на правах обязательного компонента модуль [вопр. предл.] действительно представляет собой вопросительное предложение, которое всегда может быть превращено в самостоятельное вопросительное высказывание (это может быть частный, реже – общий диктальный вопрос; модальные вопросы в данной модели исключены). Вопрос формируется вопросительно-относительным местоимением, которое составляет его конституирующий элемент. Тем не менее, в рассматриваемой модели вопросительно-относительное местоимение тесно сливается с акцентирующей частицей *вот*, образуя сращение, регулярно используемое в речи как в подобных, так и в других типах высказываний, в том числе с опущенным составом «остального» [вопр. предл.].

Функция указательно-акцентирующей частицы *вот* заслуживает отдельной характеристики. Ее дейктичность несомненна, но важно уяснить, на что именно она указывает. Примеры (2–3) представляют собой лишь частный случай, что доказывается следующим контекстом:

- (3) – Нету Альки [...] – Н-не-ту-у? – у Пелагеи ноги подкосились – едва мимо стула не села. *Так вот кто ей махал с парохода, когда она вышла из лесу к реке!* Родная дочь. А она-то по-хорошему подумала тогда: вот, мол, какая девка у чьих-то родителей – чужому, незнакомому человеку машет. – С тем, пройдохой, уехала? (Ф. Абрамов. Пелагея / НКРЯ).

В момент речи (имеет место несобственно-авторская речь) перед мысленным взором Пелагеи стоит ситуация, неизвестный компонент которой теперь, наконец, идентифицирован. Именно к этому образу ситуации (точнее – к его компоненту, который находится в центре внимания говорящего, но тем самым и к образу ситуации в целом) и отсылает частица *вот*: если это и пространственный дейксис, то настолько отличный от прототипа, что для него стоит ввести отдельное наименование. Назовем этот тип дейксиса *ментальным* (ср. *Deixis am Phantasma*). Значение частицы *вот* в ментально-дейктической функции может быть интерпретировано как 'здесь и сейчас в моем сознании', то есть частица указывает на образ ситуации, здесь и сейчас находящийся в активной зоне сознания говорящего. Тем самым частица подчеркивает и тот факт, что идентифицирующее умозаключение произведено говорящим только что.

Таким образом, в модели (ii) частица *вот* выполняет двойную функцию: во-первых, она реализует ментальный тип дейксиса и указывает на образ референтной ситуации, здесь и сейчас активный в сознании говорящего, подчеркивая факт только что произведенного умозаключения; во-вторых, она вносит в высказывание важный прагматический оттенок эмоциональной близости референтной ситуации говорящему, его затронутости ею.

Более развернутую общую характеристику модели (ii) и ее компонентов см. в (Дымарский, 2014а, 2014б), характеристику ее актуального членения и интонационного контура в (Дымарский, 2014в), характеристику аспектуального значения в (Дымарский, 2014г).

Приведенные примеры иллюстрируют два класса моделей идентифицирующих высказываний. Разбиение на классы в данном случае опирается, прежде всего, на структурный критерий и не должно восприниматься как указание на семантическую специализацию речевых моделей. Как (i), так и (ii) могут использоваться для идентификации и ситуации в целом, и ее отдельного компонента, ср.:

- (4) Ребята! *А это я ломаю дверь!* (Э. Брагинский, Э. Рязанов. Ирония судьбы, или С легким паром!);
- (5) – *Так вот что произошло*, – сказал Тергенс, задумчиво покусывая усы (А. С. Грин. Дорога никуда / НКРЯ).

В (5) объектом идентификации является не вся референтная ситуация, а только ее агенс (что влечет усложнение актуального членения и изменение интонационного рисунка); в (6) имеется в виду как раз ситуация в целом.

В то же время между (i) и (ii) имеется прагматическое различие, связанное с ментальным статусом говорящего до произнесения высказывания. Если (ii)

невозможно в ситуации, когда говорящий владеет недостающим специфицирующим знанием до момента произнесения высказывания, то (i) не только не исключает таких ситуаций, но и тяготеет к использованию именно в них, ср. (1, 5). Поэтому предшествующее отсутствие специфицирующего знания в модели (i), как правило, маркируется вводными компонентами, частицами и т. п.:

- (6) *А, это я в мухоловку попал [...]* (М. А. Булгаков. Зойкина квартира);
 (7) *А это, **выходит**, все ты, невареный кисель твоему батьке в горло, изволишь заводить по улице разбои, сочиняешь песни!..* (Н. В. Гоголь. Майская ночь, или Утопленница).

Между тем, хотя использование подобных вводных слов (ментального ряда, со значением неожиданного открытия: *значит, оказывается*) в модели (ii) представляется возможным (ср. сконструированное высказывание: *Так вот, оказывается, что вы здесь делаете!*), поиск таких примеров в НКРЯ дает лишь единичные результаты⁵.

За структурными различиями между двумя классами, кроме того, стоит принципиальное различие в характере номинации идентифицируемого объекта. В биситуативных высказываниях этот объект (ситуация или ее компонент) получает содержательную номинацию (в терминах логики – непустой терм) при помощи знаменательных слов или личных местоимений. В высказываниях второго класса этот объект получает номинацию пустым термом, роль которого играет сращение *вот + **вопр.-отн. мест.***, не называющее идентифицируемую сущность, а лишь указывающее на нее: *вот что, вот куда, вот зачем* и т. п.

На этом основании первый класс идентифицирующих высказываний (i) можно назвать *номинативно-идентифицирующим*, второй (ii) – *дейктически-идентифицирующим*.

⁵ Были сформулированы 2 поисковых запроса: 1) **так** на расстоянии 1 от **вот** на расстоянии 1 от PARENTH на расстоянии 1 от SPRO & (SPRO | APRO | ADVPRO | PRAEDICPRO) r:rel r:rel; 2) **так** на расстоянии 1 от **вот** на расстоянии 1 от SPRO & (SPRO | APRO | ADVPRO | PRAEDICPRO) r:rel r:rel на расстоянии 1 от PARENTH, что означает поиск сочетаний «так + вот + вопросительно-относительное местоимение + вводное слово» с предусмотренной меной позиций местоимения и вводного слова. Общее количество полученных по двум запросам результатов – 39 вхождений, большинство из которых – не интересующие нас совпадения, возникающие из-за неснятой омонимии (например: *Так вот что значит быть как дети* (Л. Н. Толстой)). Количество примеров, отвечающих цели запросов, – 4, ср.: *Так вот, значит, кто их* (картины. – М. Д.) *покупал [...]* *Вот кто собирал годы ее жизни* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы / НКРЯ). (Дата обращения: 20.05.2020. Объем всего корпуса: 115 645 документов, 23 803 881 предложение, 283 431 966 слов).

Для каждого класса идентифицирующих высказываний построена субкатегоризация, которая основывается 1) на варьировании используемой структурной схемы простого предложения и 2) на возможности введения частиц, междометий и вводных компонентов. Круг структурных схем и круг вспомогательных слов (частиц, междометий, вводных компонентов) образуют два множества, элементы которых могут выбираться при порождении конкретного высказывания в зависимости от намерений говорящего. Однако составы этих множеств не совпадают ни со всей системой структурных схем русского предложения, ни с системами всех частиц, всех междометий и всех вводных компонентов русского языка.

Класс номинативно-идентифицирующих высказываний (i) включает структурные схемы изоморфного и полного гомоморфного воплощения предикативного отношения⁶, но при этом избирателен по отношению к моделям безличных, инфинитивных, определенно-личных, обобщенно-личных и номинативных предложений. Так, возможно высказывание *Это я ухожу от тебя навсегда* – в качестве ответа на вопрос *Что происходит? Что ты делаешь?*; но невозможно его редукция до **Это ухожу от тебя навсегда*. Возможны высказывания этого класса с безличными моделями V_{impers} (*Что это такое? Почему вдруг так темно стало?* – *Не волнуйся, это просто на улице стемнело*), *Сop Praed* (*Почему ты вчера была такая неприветливая?* – *Да это мне как-то не по себе было*), *NegPron Cop Inf* (*Что это он там так мается?* – *А это ему просто нечем заняться*); но невозможно **Это / стыдно обижать маленьких* – с моделью *Praed Cop Inf* (при вполне допустимом, но относящемся к совершенно иному классу, структурному и интонационному типу *Это стыдно – обижать маленьких!*).

Множество вспомогательных слов включает выделительные и указательные частицы (*так, вот, а*) с акцентирующей функцией; междометия, выражающие высокую степень удивления (*ах*), иногда с функцией актуализации ментально-нарративного значения (*а-а*); вводные компоненты со значением мыслительной деятельности (чаще всего – неожиданного открытия: *значит, оказывается, выходит*).

⁶ Полным воплощение предикативного отношения (ПО) признаётся в том случае, если выражены все три компонента ПО: S, P и глубинная связка (*есть*), причем последняя может быть выражена и недискретно – внутри спрягаемой глагольной формы (*Вот бегают дворовый мальчик*). Изоморфным является только тот случай полного воплощения ПО, когда компоненты S и P выражаются компонентами полной предикативной структуры – подлежащим и сказуемым. Гомоморфным воплощением ПО признается, соответственно, синтаксическая структура, компоненты которой не являются парой «подлежащее + сказуемое», но могут быть интерпретированы как отображения элементов S и P. Гомоморфным может быть как полное, так и неполное воплощение ПО. Подробнее об этом см. Дымарский, 2015.

Приведем дополнительные примеры высказываний, порождаемых использованием номинативно-идентифицирующей модели (i):

- (8) *Так это вы о нём, что ли, днём орали? – оторопело пробормотал я* (А. Волос / НКРЯ);
- (9) *Так это вы им за Христа, что ли, мстите?* (В. Спектр / НКРЯ);
- (10) *Так это вы таскали мои плюшки!* (Б. Ларин, сценарий мультфильма «Карлсон вернулся»);
- (11) *Да это они только так говорят, что не изменяют!* (А. Рубанов / НКРЯ);
- (12) *Да это они, анчутки беснятые, сонного зелья тебе всыпали, – проговорил Пугачёв, посапывая* (В. Я. Шишков / НКРЯ).

Класс дейктически-идентифицирующих высказываний (ii) связан с тем же множеством вспомогательных слов, что объясняется общей – идентифицирующей – функцией обоих классов.

Множество структурных схем, обслуживающих второй класс, шире, по сравнению с первым. Потенциально в таких высказываниях может быть использована любая структурная схема, за исключением фразеологизированных. В частности, ограничения на использование моделей безличных, инфинитивных, определено-личных, обобщенно-личных, номинативных предложений, наблюдаемые в биситуативном классе, в данном случае представляются значительно более мягкими. Вполне возможны высказывания: *Так вот кого любишь-то, а? Вот этого вот?* (использована определено-личная модель); *Ага, вот куда эту штуку вставлять-то* (инфинитивная модель); *А-а, вот почему нельзя заходить за эту черту* (безличная модель Praed Cop Inf).

Дополнительные примеры дейктически-идентифицирующих высказываний:

- (13) *Вот ты о чем! – догадался Люсин* (Е. Парнов / НКРЯ);
- (14) *Вот почему глаза кошки светятся в темноте желтым или зеленым* (А. Зайцев / НКРЯ);
- (15) *Так вот куда октавы нас вели!* (А. С. Пушкин. Домик в Коломне);
- (16) *Ах, вот как это у вас делается [...]* (А. и Б. Стругацкие);
- (17) *– Ты говорил, что книги мои читал еще кто-то [...] – Да вот кто! – вдруг сказал Леонтий, указывая на Веру* (И. А. Гончаров / НКРЯ);
- (18) *Да, вот кто мог убить [...]* (Ф. М. Достоевский / НКРЯ).

Изучение речевых синтаксических моделей и моделей высказываний может иметь, помимо теоретического, важное лингводидактическое значение. Общеизвестно, что при освоении иностранного языка полезно овладевать целыми формулами, на основе которых строятся высказывания в определенных ситуациях с определенными интенциями говорящего. Например, русскому, изучающему польский язык, несомненно пригодится знание того, что во многих случаях эквивалентом фрагмента *Так вот* из модели (ii) окажется польск. *Więc...*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анохин, П. К. (1966). Кибернетика и интегративная деятельность мозга. В *18. Международной психологической конгресс: Симпозиум 2. Кибернетические аспекты интегральной деятельности мозга* (с. 3–20). Без издателя.
- Бабенко, Л. Г. (Ред.). (2002). *Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь*. Флинта; Наука.
- Барнетова, В., Беличова-Кржижкова, Г., Олдржих, Л., Скоумалова, З., & Стракова, В. (1979). *Русская грамматика* (Т. 2). Академия.
- Гаспаров, Б. М. (1996). *Язык: Память: Образ: Лингвистика языкового существования*. Новое литературное обозрение.
- Дымарский, М. Я. (2007). *Это / N_i V_j*: К понятию речевой синтаксической модели. В *Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина* (с. 159–171). Языки славянской культуры.
- Дымарский, М. Я. (2013). От моделей предложения – к моделированию высказывания. В *Славянское языкознание: XV Международный съезд славистов. Минск, 2013. Доклады российской делегации* (с. 308–330). Индрик.
- Дымарский, М. Я. (2014а). Речевая модель {*Так вот* + [вопр. предл.]!}: Общая характеристика и компоненты. *Научное мнение: Научный журнал*, 2014(8), 24–30.
- Дымарский, М. Я. (2014б). К описанию идентифицирующих речевых моделей: Функции сращения частицы и местоимения. *Вестник Тамбовского университета: Серия. Гуманитарные науки*, 2014(9), 153–159.
- Дымарский, М. Я. (2014в). К описанию речевой модели {*Так вот* + [вопр. предл.]!}: Актуальное членение и интонационный контур. *Мир русского слова*, 2014(4), 20–26.
- Дымарский, М. Я. (2014г). Аспектуально-темпоральная характеристика речевой модели {*Так вот* + [вопр. предл.]!}. В А. Stelmaszuk (Ред.), *Glosarium: Międzynarodowy projekt naukowo-dydaktyczny «Jedna Europa – wiele narodów, języków, kultur i religii»* (с. 21–34). Без издателя.
- Дымарский, М. Я. (2015). Способы воплощения предикативного отношения. *Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований Российской Академии Наук: Т. 11. Ч. 1. Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики*, 41–61.

- Йокояма, О. Б. (2005). *Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов*. Языки славянской культуры.
- Кацнельсон, С. Д. (1984). Речемыслительные процессы. *Вопросы языкознания*, 1984(4), 3–12.
- Шведова, Н. Ю. (1970). Синтаксис простого предложения. В Н. Ю. Шведова (Ред.), *Грамматика современного русского литературного языка* (с. 541–651). Наука.
- Шведова, Н. Ю. (1980). *Русская грамматика* (Т. 2). Наука.

- Daneš, F., Grepl, M., & Hlavsa, Z. (Ред.). (1987). *Mluvnice češtiny: T. 3. Skladba*. Academia.
- Kiklewicz, A. K., & Korytkowska, M. (Ред.). (2010). *Podstawowe struktury zdaniowe współczesnych języków słowiańskich: Białoruski, bułgarski, polski*. Centrum Badań Europy Wschodniej.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Anokhin, P. K. (1966). Kibernetika i integrativnaia deiatel'nost' mozga. In 18. *Mezhdunarodnyi psikhologicheskii kongress: Simpozium 2. Kiberneticheskie aspekty integral'noi deiatel'nosti mozga* (pp. 3–20). Moskva.
- Babenco, L. G. (Ed.) (2002). *Russkie glagol'nye predlozheniia: Èksperimental'nyi sintaksicheskii slovar'*. Flinta; Nauka.
- Barnetova V., Belichova-Krzhyzkova, G., Oldrzhikh, L., Skoumalova, Z., & Strakova, V. (1979). *Russkaia grammatika* (Vol. 2). Akademiia.
- Daneš, F., Grepl, M., & Hlavsa, Z. (Eds.). (1987). *Mluvnice češtiny: Vol. 3. Skladba*. Academia.
- Dymarskiĭ, M. IA. (2007). Èto / N_i V_j: K poniatiiu rechevoi sintaksicheskoi modeli. In *IAzyk v dvizhenii: K 70-letiiu L. P. Krygina* (pp. 159–171). IAzyki slavianskoi kul'tury.
- Dymarskiĭ, M. IA. (2013). Ot modelei predlozheniia – k modelirovaniu vyskazyvaniia. In *Slavianskoe iazykoznanie: XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Minsk, 2013. Doklady rossiiskoi delegatsii* (pp. 308–330). Indrik.
- Dymarskiĭ, M. IA. (2014a). Rechevaia model' {*Tak vot* + [vopr. predl.]}: Obshchaia kharakteristika i komponenty. *Nauchnoe mnenie: Nauchnyi zhurnal*, 2014(8), 24–30.
- Dymarskiĭ, M. IA. (2014b). K opisaniu identifikatsionnykh rechevykh modelei: Funktsii srashcheniia chastitsy i mestoimeniia. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki*, 2014(9), 153–159.
- Dymarskiĭ, M. IA. (2014v). K opisaniu rechevoi modeli {*Tak vot* + [vopr. predl.]}: Aktual'noe chlenenie i intonatsionnyi kontur. *Mir russkogo slova*, 2014(4), 20–26.
- Dymarskiĭ, M. IA. (2014g). Aspektual'no-temporal'naia kharakteristika rechevoi modeli {*Tak vot* + [vopr. predl.]}: In A. Stelmaszuk (Ed.), *Glosarium: Międzynarodowy projekt naukowo-dydaktyczny "Jedna Europa – wiele narodów, języków, kultur i religii"* (pp. 21–34). Belostok. No publisher.
- Dymarskiĭ, M. IA. (2015). Sposoby voploshcheniia predikativnogo otnosheniia. *Acta Linguistica Petropolitana: Trudy Instituta lingvicheskikh issledovaniĭ Rossiiskoi*

Akademii Nauk: Vol. 11. Ch 1. Kategorii imeni i glagola v sisteme funkcional'noi grammatiki, 41–61.

Gasparov, B. M. (1996). *IAzyk: Pamiat': Obraz: Lingvistika iazykovogo sushchestvovaniia. Novoe literaturnoe obozrenie.*

Ĭokoiama, O. B. (2005). *Kognitivnaia model' diskursa i russkii poriadok slov.* IAzyki slavianskoi kul'tury.

Katsnel'son, S. D. (1984). Rechemyslitel'nye protsessy. *Voprosy iazykoznanii*, 1984(4), 3–12.

Kiklewicz, A. K., & Korytkowska, M. (Eds.). (2010). *Podstawowe struktury zdaniowe wspólczesnych jezyków słowiańskich: Białoruski, bułgarski, polski.* Centrum Badań Europy Wschodniej.

Shvedova, N. IU. (1970). Sintaksis prostogo predlozheniia. V N. IU. SHvedova (Ed.), *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* (pp. 541–651). Nauka.

Shvedova, N. IU. (1980). *Russkaia grammatika* (Vol. 2). Nauka.

Идентифицирующие речевые синтаксические модели: опыт обобщения (на материале русского языка)

Резюме

В статье обобщаются результаты исследования идентифицирующих речевых синтаксических моделей в русском языке. Работа опирается на мысль о том, что системы структурных и структурно-семантических моделей предложений в славянских языках, построенные во второй половине XX в., дают представление о синтаксических системах этих языков, но не приближают нас к пониманию процесса порождения высказывания. К пониманию этого процесса может приблизить изучение речевых синтаксических моделей, которые трактуются как производные от языковых моделей, но при этом более приближенные к внеязыковой ситуации, что закреплено в целом ряде фиксированных параметров. За каждой речевой моделью, в свою очередь, стоит целое множество еще более конкретных моделей высказываний с еще большим количеством фиксированных параметров. К ним принадлежат, в частности, модели идентифицирующих высказываний двух классов: (i) *Это / N1 Vfi* и (ii) *Так вот + [вопр. предл.]*. Их логическая основа состоит в идентификации некоторой текущей ситуации или ее компонента с образом этой ситуации (ее компонента), находящимся в активной речевой зоне сознания говорящего. Класс (i) более употребителен для идентификации ситуации в целом (*Что это за шум за окном? – Это самолет летит*), поэтому высказывания этого типа могут быть названы биситуативными. Класс (ii) чаще употребляется в случае идентификации компонента, являющегося специфицирующим знанием (О. Ыокояма) о ситуации, без которого говорящий не в состоянии составить целостный образ ситуации (*Так вот где вы прячетесь, сорванцы!*).

Описываются различия между классами (i) и (ii). Прагматическое различие состоит в том, что (ii) невозможно в ситуации, когда говорящий располагает специфицирующим знанием до произнесения высказывания, в то время как (i) не только не исключает таких ситуаций, но и употребляется, как правило, в них. Семантическое различие заключается в том, что в (i) идентифицируемая ситуация / компонент получает содержательное именование, а в (ii) идентифицируемый компонент обозначается местоимением, которое одновременно соотносится с этим компонентом и с его образом в сознании говорящего, ср. «*Deixis am Phantasma*» у К. Бюлера. На этом основании высказывания класса (i) могут быть названы номинативно-идентифицирующими, а высказывания класса (ii) – дейктически-идентифицирующими. Различие между (i) и (ii) состоит также в разном отношении этих речевых моделей к базовым моделям языковой системы: в частности, высказывания класса (i) исключают использование некоторых моделей односоставных предложений глагольного строя.

Ключевые слова: синтаксические модели; модели высказывания; идентифицирующие высказывания; ментальный дейксис; порождение высказывания

Syntactic Models of Identifying Utterances: An Attempt at Generalisation (on the Material of the Russian Language)

Abstract

This article summarises the results of a study of syntactic models of identifying utterances in the Russian language. The study stems from the idea that systems of structural and structural-semantic sentence models in Slavic languages developed in the second half of the twentieth century provide a reasonable understanding of syntactic systems of these languages, but they do not bring us closer to understanding the process of generating an utterance. This process can be explained by the study of syntactic models of speech, which are approached as models derived from basic language ones. They have a close connection with the non-linguistic situation and the communicative situation, and have a number of fixed parameters. Each speech model is a set of utterance models which are based on it. They are even more closely associated with typical situations of reality and communication and have a larger number of fixed parameters. These are, in particular, the models of identifying utterances of two classes: (i) *Это / N_i V_f* (‘this’ / *N_i V_f*) and (ii) *Так вот + [вопр. предл.]* (‘So this is’ + [interrogative clause]). The logic of (i) and (ii) consists in identifying a present situation or its component with an image of this situation (component of a situation) in the active sphere of the speaker’s consciousness. Class (i) is more often used to identify the situation as a whole (*Что это за шум за окном? – Это самолет летит / What’s this noise outside? – It’s a plane flying*, lit. *This a plane is flying*); therefore, (i) can be called bi-situational utterances. Class (ii) is more often used to identify a component

that involves specificational knowledge (O. Yokoyama), without which the speaker could not build a holistic view of the situation (*Так вот где вы прячетесь, сорванцы! / So this is where you hide, tomboys!*).

This study considers differences between classes (i) and (ii). The pragmatic difference is that (ii) is impossible in a situation where the speaker has the specificational knowledge prior to uttering the sentence, while (i) not only does not exclude such situations, but also tends to be used namely in them. The semantic difference is that in (i) the identifiable situation or its component gets a meaningful name, while in (ii) the identifiable component is denoted by a pronoun that refers simultaneously to this component and to its image in the speaker's mind, cf. *Deixis am Phantasma* (K. Bühler). On this basis, class (i) can be called *nominative-identifying*, and class (ii) – *deictic-identifying*. Finally, the difference between (i) and (ii) lies also in the diverse relationship of these speech models to the basic syntactic models of the language system: in particular, utterances of class (i) cannot use some models of subjectless sentences.

Keywords: syntactic models; utterance models; identifying utterances; mental deixis; generating an utterance